

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

в переводе с греческого
и церковнославянского языков

Книга 1

ВЕЧЕРНЯ И УТРЕНЯ
с приложением
церковнославянских текстов

*Издание 3-е, исправленное
и дополненное*

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 2015

**По благословию митрополита
Тульчинского и Брацлавского Ионафана**

Рекомендовано к печати в качестве учебного пособия
кафедрой богословских дисциплин и литургики
Свято-Филаретовского православно-христианского института

П68 Православное богослужение: В пер. с греч. и церковно-слав. яз. Кн. 1: Вечерня и Утреня: С прил. церковнослав. текстов. 3-е изд., испр. и доп. / Пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б. А. Каячева, Н. В. Эппле; Сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2015. — 272 с.

ISBN 978-5-89100-127-5

Издание подготовлено в московском Свято-Филаретовском православно-христианском институте проф.-свящ. Георгием Кочетковым с группой филологов. Эти переводы выполнены с греческих и славянских источников и являются плодом многолетней научно-богословской, литургической и пастырско-педагогической работы. Они целиком ориентированы на существующую в Русской православной церкви традицию и могут служить уникальным пособием не только для священнослужителей, студентов-богословов и катехизаторов, но и для всех ищущих явления полноты духа и смысла в богослужении христианской православной общины.

В 3-е издание по сравнению со 2-м дополнительно включены новые переводы некоторых тропарей, кондаков и других церковных песнопений.

© Свято-Филаретовский
православно-христианский
институт, 2007 г.

© Свято-Филаретовский
православно-христианский
институт, 2015 г., с изменениями

ISBN 978-5-89100-127-5

Есть вещь крайне нужная. Разумею новый упрощённый и уяснённый перевод церковных богослужебных книг.

*Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений совсем непонятна. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не даёт им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие сего новый перевод богослужебных книг **неотложно** необходим. Ныне-завтра, надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит.*

Свт. Феофан Затворник († 1894)

**Некоторые богословские основания
необходимости и возможности перевода
богослужебных текстов с древних языков
на современные**

Обращаясь к богословским основаниям богослужебного перевода, мы невольно апеллируем к существу нашего исповедания — к вере в Дух и Смысл (Логос) и в полноту духа и смысла в Церкви, которые возможны только в условиях духовной свободы, дарованной нам Христом. Вспомним в этой связи, что ап. Павел недвусмысленно отрицает всякую веру в букву, столь характерную, скажем, для иудаизма или мусульманства, — ведь «буква убивает, а Дух животворит» (2 Кор 3:6).

Православная экклезиология предполагает возможность усвоения даров Христовой жизни в Церкви, а значит, во все эпохи, во всех народах, во всех землях, на всех континентах, при любых обстоятельствах. И эта возможность здесь строится не по линии буквального воспроизведения церковного предания, а по линии духовного восприятия того Предания, которое дано и задано нам Христом и Его апостолами. Иначе от известной со времён свв. Кирилла и Мефодия «трехъязычной ереси» можно довести дело до настоящей ереси христологического, экклезиологического или пневматологического свойства. И не случайно же мы считаем, что борьба за духовную свободу, за торжество любви и за истину в церкви есть борьба за дух и смысл в ней, т. е. за пневматологичность и логистичность, проникнутость Логосом,

всей нашей веры и жизни. А если кто-то в церкви придерживается веры в букву, то он должен знать, что этим он умаляет и пневмоцентричность, и христороцентричность церковной жизни. Все мы хорошо знаем, что происходит, когда начинается уклонение в такой, как правило, опасливый, охранительный буквализм: неизбежно возникают фарисейско-фундаменталистские тенденции, которые, безусловно, особенно страшны для церкви и которые сегодня представляют собой основную опасность именно для церкви Восточной, в том числе и для Русской.

Мы любим осуждать фундаментализм, скажем, исламский или какой угодно иной, но почему-то не хотим говорить о фундаментализме православном. Мы как бы стыдимся собственного фундаментализма и при этом зачастую горячо поддерживаем совсем не здоровую традиционность нашей веры, а именно традиционализм, который есть выражение крайности в воззрениях на формы существования традиции, явленные церковью или через церковь в истории, в историческом времени.

Вот в этом контексте и существует богословский аспект вопроса о возможности или невозможности, адекватности или неадекватности переводов богослужебных текстов, так же как и переводов Священного писания и сочинений святых отцов, на любые современные языки. Ставить эти вопросы и качественно отвечать на них крайне важно, ведь иначе можно прийти, например, к тому убеждению, что любой перевод всегда неадекватен и что каждая буква Писания, а вслед за этим и богослужения как «закона молитвы» церкви, и даже писаний соборов, святых отцов и крупнейших богословов, является непогрешимой. Вот это для нас, православных, было бы страшнее всего, хуже любого католического «папизма», с его известной «непогрешимостью» при определённых условиях римского понтифика.

Если мы под Писанием в первую очередь понимаем плоды Откровения, а под Преданием — плоды Богопознания, выразившиеся в тех или иных исторических формах, то принципиальное признание переводимости любого церковного богослужебного текста, а значит, церковного писания и предания в нём, становится признаком нашей верности вере апостолов и их учению. Если же мы принципиально отрицаем переводимость — по духу и смыслу — и Писания, и Предания, то мы, несомненно, уклоняемся в фундаментализм и, вообще говоря, почти что в «иудейство». Это даже можно было бы назвать современным ответвлением «ереси жидовствующих». Интересно заметить, что наши фундаменталисты пытаются всё как раз перевернуть с ног на голову и именно тех, кто стоит за перевод богослужебных текстов, обвинять в некоем «жидовстве».

Но, так обозначив эти принципиальные богословские основания перевода, не пытаемся ли мы тем самым утверждать, что здесь вообще нет особенных проблем, кроме ряда периодически воспроизводящихся заблуждений, которые легко устраняются, стоит только нам вспомнить аутентичную христианскую традицию? Существуют ли всё-таки какие-то специфические проблемы богослужебного перевода?

Да, на наш взгляд, такие проблемы существуют. Конечно, все переводы богослужебных текстов должны быть филологически достаточно выверенными и точными, но прежде всего они должны быть богословски адекватными. Это означает, что переводчики должны очень хорошо понимать церковную традицию, они должны хорошо её знать и богословски правильно выражать. При этом все богослужебные тексты ещё не должны терять при переводе свою молитвенность.

Здесь надо учитывать, что именно в богослужебных текстах есть большая дополнительная свобода. Во-

первых, всегда есть возможность один и тот же текст в разных местах богослужения перевести немного по-разному в зависимости от контекста, а иногда и в зависимости от того, когда и кем он переводится. До сих пор в церковном употреблении сохранились несколько разные переводы одних и тех же текстов. Правда, со временем эти различия в основном были вычищены, но тем не менее где-то на периферии нашего богослужения они и сейчас существуют. Во-вторых, определённая свобода существует в богослужебных текстах и потому, что эти тексты поэтичны, а значит, более свободны по самому своему жанру. Они, как правило, менее философичны, чем, например, догматы, если под философичностью подразумевать свойство быть системой, а не только определённый способ мышления и познания. Правда, иногда сами богослужебные тексты в дальнейшем становятся основой для догматических формулировок или соответствующих рассуждений. И это тоже очень существенно, потому что есть своя проблема в том, что иногда богословские формулы излишне ограничивают христианскую свободу. Они часто понимаются слишком узко или чересчур привязываются к той или иной культурной и философской традиции, в то время как поэтические тексты бывают более связаны с жизнью сердца, с переживанием духовного опыта и с попыткой сохранить его во всём многообразии.

Это совсем не означает, что так бывает всегда. Иногда бывает и наоборот. Иногда поэзия забредает в несколько странные или мрачные дебри, что можно видеть в ряде стихир и акафистов или других образчиках позднего литургического творчества. И даже в канонах на утрнях встречаются очень странные мысли: иногда в них муссируются темы законнические и юридические, присутствует юдофобия и открытая ненависть к еретикам

и грешникам. Это касается и многих праздников, сюжеты которых основаны на чисто апокрифических преданиях, на поэтических апокрифических пластах церковного сознания. Иногда именно эти моменты в богослужебных текстах, как более красочные, более расцвеченные фантазией, усиленно муссируются и всё дальше развиваются. Известно, как могут опасно развиваться богородичные сюжеты или сюжеты, связанные с почитанием икон, перенесением мощей и другими подобными вещами. Взяв за основу какой-то апокриф, богослужебный текст может расцвечивать его сколько угодно. И многие люди, воспринимая всё буквально, просто рискуют впасть в дух чуждый и суеверие.

Ещё одна проблема — отражение в наших молитвах исторически обусловленных взаимоотношений между народами, государствами и т. п. или, допустим, каких-то по смыслу недостаточно определённых исторических событий. Скажем, в литургических текстах могло отражаться одностороннее отношение к тем или иным людям, не вполне обоснованно осуждённым в качестве еретиков, что потом вошло в церковное предание, а теперь становится тормозом, например, на пути богословского сближения церквей. Достаточно вспомнить о диалоге с так называемыми монофизитскими и несторианскими церквями и традициями, отчасти то же самое происходит и с традицией католической.

Очень опасной здесь бывает и недостаточная языковая ясность, которая может привести буквально к заблуждению. Мы это подчас имеем и в не очень чётких, даже в чём-то ошибочных переводах с греческого на древний церковнославянский и следующих за ними переводах на русский язык.

Из сказанного следует, что перевод богослужения даёт церкви очень хорошую возможность пересмотреть

своё предание, всё, что оно вобрало в себя на протяжении длительного времени. Потому что когда ты переводишь текст, ты должен максимально вникнуть в его смысл и контекст, и именно это даёт возможность лучше оценить все пласты связанного с ним предания и решить, какие из них самые глубокие и ценные, а какие обладают иными качествами.

Конечно, здесь в церкви могут возникать и разногласия. Тогда на эти темы нужно вести диалог. Но церкви не нужно бояться этих разногласий. Совершенно же ясно, что те же антисемитские высказывания неких византийских риториков вряд ли приемлемы для современного церковного сознания, хотя они даже сейчас могут влиять, наряду с подчёркнуто монархическими, государственно-симфоническими и т. п. воззрениями, на современную духовную, церковную жизнь. Конечно, они скорее её не питают, а истощают и отбрасывают назад.

Делая переводы, мы должны всё это оценивать и обсуждать. Мы должны исходить не только из опыта прошлого, но и из того опыта, который Господь открывает нам сейчас. Мы не должны здесь уподобляться не самым лучшим протестантам, которые принимают только какой-то один пласт предания, забывая об остальных. Мы критикуем протестантов, но часто поступаем точно так же. Причём они-то, как правило, берут хотя бы качественные пласты, прямо связанные со Священным писанием, а мы нередко довольствуемся менее качественными, а то и совсем маргинальными пластами святоотеческого и богослужебного предания церкви, в том числе такими постановлениями соборов и аскетическими опытами, которые, хотя при каких-то уникальных обстоятельствах когда-то и могли быть оправданны, всё же не могут быть названы общецерковными по своему значению.

Всё это очень важно понимать тем, кто переводит богослужебные тексты, для решения вопросов, что, в каком порядке и как переводить. Можно ли при переводе сглаживать какие-то неудачные моменты и, может быть, неудачные выражения оригинала или нельзя? Очень часто сами тексты позволяют перевести их так, чтобы, не уходя далеко от буквальности, выявить и подчеркнуть в них лучшие духовные и смысловые акценты.

Если же переводчик-богослов вдруг увидит, что из каких-то текстов совсем ушла жизнь и их вообще переводить не стоит, это может быть основанием для того, чтобы некий пласт традиции с маленькой буквы если не устранить совсем, то отодвинуть на задний план. Такое в церковной истории всегда происходило, происходит и неизбежно будет происходить.

Поскольку переводы всегда выполняют конкретные люди, сразу оказываются видны их церковные вкусы: не случайно же один начнёт, скажем, с перевода анафематствований, другой — с Триоди постной, третий — с чинов неподвижного круга, суточного и седмичного, или прежде всего годового круга, или с чинов основных таинств и треб. Всё это существенным образом связано с пониманием традиции, ведь каждый человек в своей жизни хочет успеть сделать главное. Ясно, что, к примеру, поэт будет в первую очередь переводить поэтические тексты, и при этом он неизбежно будет достаточно далеко уходить от буквы оригинала, потому что иначе стихи адекватно не переводятся. Хотя совершенно очевидно, что точно передать ритмику, образность, лингвокультурную многослойность и многозначность тех или иных выражений, использованных в богослужениях, не представляется возможным — даже если переводит гений и святой человек.

Часто говорят: а как вообще можно переводить богослужение или Священное писание, если ты не гений

или не святой? Предполагается, что переводами всегда занимались только признанные гении и святые. Но церковная история свидетельствует скорее о том, что как раз благодаря тому, что люди писали молитвы или делали переводы, выявлялась их гениальность и святость, а не наоборот. Однако всем понятно, что переводчики далеко не всегда были гениями, хорошими богословами и святыми, хотя часто и они всё-таки были очень чуткими и талантливыми.

Но кто же всё-таки смеет в церкви делать богослужебные переводы? — Ответ прост: тот, кто их смеет делать. А что получается, то и получается. Церковь же должна реагировать на результаты по плодам и по духу. Она и прежде всегда старалась отбирать лучшее, хотя это не всегда у неё вполне получалось. Мы это хорошо понимаем хотя бы по тому, что господствующей концепцией перевода в прежние века была буквалистская, когда каждое слово буквально, буква за буквой, перекладывалось с одного языка на другой, а теперь мы знаем наверняка, что это в принципе далеко не лучшая методика перевода.

В Православной церкви саму возможность суждения и выбора лучшего для богослужения следует отдать всей церкви, а не одному лишь церковному руководству, не одним церковным предстоятелям, синодам и соборам. Ещё хуже, когда окончательные решения здесь предоставляют выносить неким полусветским филологическим комиссиям, скажем, при какой-нибудь семинарии или академии. Увы, у нашей иерархии иногда есть тенденция снимать с себя ответственность за дело перевода в силу своей часто недостаточной филологической и культурной подготовленности и перекладывать её на подобные комиссии, работающие чуть ли не в закрытом режиме. Это, конечно, нежелательно. Филологические комиссии

полезны, они могут работать профессионально, но перевод богослужения имеет, как мы уже выяснили, достаточно много иных аспектов. И здесь филологический аспект — не самый, может быть, главный, хотя он, конечно, инструментально необходим. У нас много замечательных верующих филологов, но крайне мало хороших церковных переводчиков.

Самыми главными аспектами любого богослужебного перевода, на наш взгляд, следует считать молитвенность и пастырскую ответственность, пастырскую чуткость и опытность. Церковный переводчик обязан себя спрашивать, каким должен быть современный церковный чин? Чему из истории этого чина нынешнее время соответствует более всего? На что здесь следует опираться? На какой пласт предания надо делать основной акцент? И только внутренний опыт, глубина познания и церковная ответственность может подсказать переводчикам верные ответы на эти вопросы.

Любой переводчик должен хорошо понимать и помнить, что существует определённое многообразие внутри всех чинов, что все серьёзные, глубокие чинопоследования имеют свою большую историю. Можно, конечно, просто брать имеющиеся на сегодняшний день чинопоследования и больше ни о чём не думать, но это вряд ли будет лучшим выходом просто потому, что в них могут присутствовать те или иные искажения. Нельзя продолжать воспроизводить исторические ошибки. История церкви — вещь сложная, и в ней надо находить такие чинопоследования, которые были бы наиболее адекватны современной жизни. В этом и заключается пастырская ответственность.

Кроме того, богослужение требует ещё и своего пастырского истолкования. Ведь молитва — это всегда некий призыв и императив, а значит, молитва — это всегда

некоторое действие или священнослужителя, или хора, или народа, или церкви в целом. И эта действенность богослужения, которую нам ещё нужно восстанавливать, в частности через адекватный перевод богослужебных текстов, может быть несколько разной в зависимости от того, как мы понимаем всё чинопоследование, и, в частности, то, к чему оно приводит, где в нём основные акценты, какие наши конкретные действия следуют за той или иной молитвой или вместе с тем или иным разделом богослужения. Сама способность богослужения иметь в самом себе, в самом чинопоследовании свою внутреннюю, духовную логику отражена во всех современных литургических исследованиях. Теперь все литургисты и переводчики стараются как бы разбить богослужение на определённые кусочки, параграфы и дать им определённое смысловое и действенное наименование, отражающее то, что они означают по внутреннему смыслу и в смысле призыва к внешнему действию. А это как раз и связано с толкованием, с глубоким пониманием и проникновением в общий дух и смысл богослужения. Вот это и называется пастырским аспектом истолкования богослужения. По моему мнению, без этого истолкования переводить его просто невозможно, да и не нужно.

В нашей русской истории уже существуют многочисленные примеры прекрасных переводов богослужебных текстов. История, и даже целая большая традиция русских богослужебных переводов, начиная с конца XVIII в. до наших дней, наконец-то недавно была специально исследована в СФИ. Здесь мне хочется назвать в первую очередь имя профессора Евграфа Ловягина. Это был академический профессор, блестящий филолог, который очень хорошо знал тексты, хотя переводил их, конечно, для научных целей, не слишком претендуя на их возможное богослужебное употребление. Он сам хотел

лучшим образом понять эти тексты и очень дерзновенно проводил свою работу. Вспомним в первую очередь его пятитомник «Собрание древних литургий», выпущенный в 70-х годах XIX века в России, в Петербургской духовной академии. Достаточно хороши были, конечно, не только эти книги, но и его переводы великопостных последований и песнопений, канонов и т. д.

А говоря о нашем времени, в первую очередь хочется назвать имя академика Сергея Сергеевича Аверинцева, который старался сочетать филологическую, буквально филигранную точность перевода с молитвенностью, образностью и необходимой в таких случаях небуквальностью переводов. Он обладал большой свободой, но чувствовал и меру во всём, он всегда «отмеривал» свою свободу. И поэтому его переводы, скажем, части Псалтири, в том числе богослужебно-ориентированного «Шестопсалмия», и его переводы некоторых иных богослужебных текстов, особенно в последний период его творчества, заслуживают очень большого внимания. Конечно, блестяще были переведены им и синоптические евангелия. А Евангелие и Псалтирь — тоже богослужебные книги, чего нам забывать никогда нельзя, поскольку многие богослужебные тексты сориентированы именно на эти библейские книги и, следовательно, нужно учитывать имеющийся их блестящий перевод.

Ранние попытки С. С. Аверинцева переводить чисто богослужебные тексты, скажем стихиры св. Иоанна Дамаскина из чина отпевания, очень интересным образом трансформировались из года в год. Сергей Сергеевич создал несколько редакций этих переводов, показывающих, что он действительно всю жизнь работал над этим делом, продолжая менять свои подходы. Будучи человеком традиционным и даже консервативным, он тем не менее был и очень свободным и творческим человеком. Это был

пример блестящего синтеза основных качеств, необходимых переводчику. Остаётся лишь пожалеть, что в отличие от С. С. Аверинцева многие другие современные церковные переводчики основное внимание уделяют лишь филологической точности, хотя, как уже было сказано, тут важнее всего не филологическая точность, а пастырская чуткость и понимание живой литургической традиции, т. е. литургическая традиционность. Догматическая и аскетико-молитвенная чуткость стоит уже на втором месте, и только после неё идут филологические изыски.

В заключение крайне важно отметить, что вопросы о собственно церковном переводе богослужения вообще встают лишь тогда, когда возникают соответствующие церковные запросы и вопросы, например, о церковной роли мирян и предстоятелей, как и других людей, которые находятся в алтаре, о месте хора и его самосознании в церкви и т. д. — т. е. когда всерьёз встают перед нами эkkлeзиологические проблемы и когда мы хотим их не только обсуждать, но и решать. Думается, что вообще нет никакого смысла говорить о переводе богослужения, например литургии, на русский язык, если не только у предстоятелей, но и у народа нет внутренней потребности вслух читать и вместе слышать анафору. Если анафора не будет читаться вслух, если она будет читаться во время пения хора, то переводы — это просто некоторая роскошь, почти что блажь, потому что священникам, которые читают молитвенные тексты в алтаре (обычно в спешке, скороговоркой) неважно, всё ли они понимают или нет. Даже если бы у них был прекрасный русский текст, при таком подходе он никак целиком не воспринимался бы.

Того, что человек, будучи профессионалом, священнослужителем, понимает из церковнославянского текста, в этих случаях бывает более или менее достаточ-

но. Тем более, что ещё существует эффект кажущейся понятности богослужения и литургических текстов на церковнославянском языке только потому, что в нём есть знакомые слова, корни и словосочетания. Многолетний опыт показывает, что в действительности понимание богослужения весьма незначительно, а нередко ещё и двусмысленно, и всё же беспокойства это у людей часто не вызывает, потому что им кажется, что степень непонимания службы очень мала.

Итак, для будущего нашего богослужения принципиально важно, будет ли у нас когда-нибудь молиться вся церковь, т. е. алтарь с храмом, вместе и будет ли церковь внутренне организована (допустим, вот это в ней — оглашаемые, вот это — кающиеся, вот это — остальные миряне) или этого не будет. Также важно, будет ли в нашей церкви возрождена общая ответственность за себя, за оглашаемых, за кающихся, за церковных детей и т. д. Пока наша Православная церковь не увидит самоё себя как некое многообразное и сложное целое, которое во всех своих стратах должно получать адекватную духовную пищу, до тех пор вопрос о переводах в ней не сможет быть всерьёз поставлен и тем более решён.

Таким образом, проблема богослужебного перевода — это одна из существенных граней проблемы возрождения церковной жизни в целом, проблемы духовного обновления церкви, обновления Духом Святым, проблемы возрождения духовных служений в ней во всем их многообразии и в их полноте. Пока в нашей церкви этого не будет, перевод богослужения на современный язык останется лишь ещё одной «золотой завитушкой». К тому же дорогостоящей, поскольку это очень кропотливое, непростое и небыстрое дело, требующее большого вклада сил нередко самых квалифицированных членов церкви, самых культурно утончённых и духовно чутких из них.

Не будем же терять драгоценное время! Давайте создадим в православной церкви такую духовную обстановку, в которой будут отношения любви между всеми верующими, будет открытое сердце ко всем, кто пожелает войти в храм, будет ответственность друг за друга, в том числе и за падших, в которой будет ответственность алтаря за храм, за весь Божий народ, но и ответственность этого народа — за всех тех, кто находится в алтаре и стоит пред престолом!

Проф.-свящ. Георгий Кочетков,
ректор Свято-Филаретовского
православно-христианского института
Сентябрь 2007 г.

Предисловие к серии переводов в семи книгах

Учитывая то, что в наше время большинство православных церквей имеют практическую возможность совершать своё замечательное богослужение на современных языках, и мы предприняли попытку представить, в меру наших скромных сил и возможностей, русским (и русскоязычным) православным верующим традиционное богослужение на русском языке, причем на языке литургическом, т. е. возвышенном и поэтическом, а не обыденном. Конечно, в своей работе мы старались учитывать и сложившийся в нашей церкви стиль, и, опять же по возможности, всю полноту духа и смысла православной литургической традиции.

Наша работа началась с конца 1970-х годов изнутри самой нашей духовной, церковной жизни. Сперва это была просто русификация важнейших для нас текстов, начиная с чинов таинства крещения, миропомазания и подготовки к ним. Потом, в 1990-х годах, благодаря Свято-Филаретовскому православно-христианскому институту, нам удалось выпустить серию изданий, содержащих чинопоследования праздничных Вечерни и Утрени, а также всех литургий, включая Литургию св. ап. Иакова, брата Господня (см. библиографические списки в соответствующих книгах настоящей серии). С начала 2000-х годов, благодаря профессиональной помощи верующих филологов, членов Преображенского содруже-

ства малых православных братств, среди которых первым надо назвать нашего великого современника академика С. С. Аверинцева († 2004), удалось прийти к собственно переводам богослужебных текстов с языков оригинала, как правило с греческого. Новые итоги этого многолетнего труда мы и решаемся представить боголюбивым читателям и богомольцам.

Сейчас нами подготовлена серия новых переводов, состоящая из семи книг, включающих в себя чинопоследования: 1) Вечерни и Утрени, с приложениями, традиционно входящими в Служебник; 2) Литургии св. Иоанна Златоуста, с аналогичными приложениями, а также Каноном покаянным, Чином приготовления ко святому причащению и Благодарственными молитвами по святому причащению; 3) Литургий св. Василия Великого, Преждеосвящённых даров и св. ап. Иакова, также с приложениями из Служебника; 4) таинств крещения, миропомазания и подготовки к ним, с приложениями; 5) остальных таинств Православной церкви; 6) основных треб; 7) служб суточного круга из Часослова.

Среди наших основных переводческих принципов всегда присутствовала установка именно на русский язык, что и при сохранении определённой преемственности с церковнославянским языком давало нам некоторую свободу в переводе. Но мы всячески избегали всех крайностей: и излишнего буквализма перевода, свойственного большинству устаревших церковнославянских богослужебных переводов, и излишней свободы, приводящей по сути к отказу от перевода в пользу пересказа или парафраза.

Нам хотелось, чтобы переводчиков вообще было как можно меньше видно, хотя мы понимаем, что совсем избежать этого никогда никому не удаётся. Поэтому мы рассчитываем, что все заинтересованные люди смогут в дальнейшем продолжить эту благодатную и благодарную

работу в церкви и для церкви, как и для всего нашего многострадального, но теперь имеющего шанс возродиться народа. Вся наша работа и направлена на это духовное возрождение в новом, лучшем качестве и нашей церкви, и нашего народа, чего, по нашему глубокому убеждению, нельзя будет достичь без ответственного и сознательного участия в богослужении всех верных членов церкви (подробнее о мотивах нашей переводческой деятельности см. во вступительной статье к настоящему изданию и особенно в другой моей вступительной статье, предварявшей первое, 1994 года, и последующие издания наших переводов и перепечатанной в сборнике: *Язык церкви*. Вып. 1. М., 1997).

Итак, переходя к более конкретным вещам, отметим, что мы не стремились удерживать во что бы то ни стало даже очень привычные славянизмы, мы делали честный перевод, хоть и с оглядкой на традицию. При этом мы принимали лучший с точки зрения выявления духа и смысла данного богослужения вариант текста оригинала, а не просто более древний. Но там, где это было необходимо, мы возрождали более древний чин. Наиболее яркий пример этого — чинопоследование Вечерни, Утрени, таинства елеосвящения, некоторые особенности анафоры, особенно на Литургии Василия Великого, откуда убрана в петит весьма неудачная вставка «преложив Духом Твоим Святым». Мы предполагали во всех случаях, кроме специально отмеченных словом «тихо», гласное чтение богослужебных молитв предстоятелем (или иным старшим в собрании, или чтецом там, где это допустимо православными экклезиологическими принципами). Мы не забыли и о той новелле императора Юстиниана, в которой он канонически постановляет читать анафору вслух (не во время пения хора), и о канонических требованиях обязательного изъяснения

в проповеди Священного писания сразу после его чтения на богослужении, и о канонических предписаниях об оглашаемых и просвещаемых в церкви. Всё это отразилось в предлагаемых текстах и чинопоследованиях служб, что сделало их одновременно и более современными, доступными для их восприятия и соучастия в них всего народа, и более древними, более византийскими, более чистыми в смысле своей изначальной духовно-смысловой традиции.

В текстах мы старались отмечать все важные разногласия славянской и греческой традиции. Мы предпочитали в таких случаях ту из них, которая не затемняла столбовой, главной духовно-смысловой традиции. В некоторых (и нередких) случаях это была современная греческая традиция, и тогда более позднюю и неудачную историческую вставку мы выносили в примечания, обычно в сноску, как, например, вставки в некоторых молитвах Вечерни и Утрени или тропарь Третьего часа со стихами в анафорах свв. Иоанна Златоуста и Василия Великого. Но иногда это была древняя славянская традиция, сохранившая более ценный и более древний, чем современная греческая, пласт литургического предания, например в тех же анафорах в конце анамнесиса, где у греков говорится: «Твоё из Твоего Тебе приносим всегда и везде», после чего у них стоит точка, а у нас «Твоё из Твоего Тебе принося всегда и везде» с последующей запятой, что существенно меняет смысл этого важного места.

Иногда мы убирали в квадратные скобки и печатали петитом те части богослужения, которые могут быть без ущерба для его духа и смысла сокращены, например так называемые «дьяконские напоминания». А иногда мы, наоборот, добавляли те части богослужения, которые можно назвать случайными историческими утратами или неоправданными сокращениями. Например, это Молит-

ва (8) перед «Отец наш Небесный» на Вечерне и Молитва перед целованием мира на Литургиях свв. Иоанна Златоуста и Василия Великого. Эти «вставки» мы выделяли квадратными скобками, печатая их основным шрифтом. Это касается и отдельных фрагментов молитвенных текстов, например на Вечерне и на Утрени.

Встречались нам, конечно, и более сложные и спорные случаи. Так, в ряде молитв, обращённых сейчас ко Христу, нами даны их варианты, переделанные в более традиционные для древней византийской традиции обращения к Богу-Отцу. Это прежде всего касается всё той же литургической Молитвы перед целованием мира, поскольку есть очень похожая на неё коптская молитва из Литургии, приписываемой св. Кириллу Александрийскому, обращённая к Отцу. Нам понятно, как в истории могла произойти эта перемена, почему эта молитва оказалась обращённой ко Христу: в ней присутствует цитата, которая в Евангелии относится ко Христу. Но ведь та же самая цитата есть и в коптской молитве, относящейся к Отцу. Подобное превращение могло происходить и с Молитвой перед чтением Евангелия из Литургии, позже перенесённой и в чин Утрени. Это косвенно подтверждается хотя бы тем, что в древних греческих и славянских текстах нет слова «Твоей» перед словами «евангельской проповеди», а возглас этой молитвы часто был обращён не ко Христу, как сейчас, а, скажем, ко Святой Троице.

Вообще же на возгласы нам пришлось обратить особое внимание. Как правило, хотя и не всегда, они являются естественным продолжением и окончанием предшествующих им молитв, однако для выявления этого потребовалась некоторая переорганизация текста чинов для сближения этих частей, поскольку нередко молитвы, долгое время читавшиеся «тайно», оторвались от своих обычно громко читаемых окончаний и «съехали»

на какое-то непонятное и не связанное с соответствующим литургическим действием место. В более поздней византийской традиции возобладала тенденция строить возглас с «тринитарным окончанием», даже если сама молитва явно обращена не к Святой Троице, а к одной из божественных ипостасей. Даже Молитва Господня «Отец наш Небесный» была литургически переделана, и её окончание обрело внешне тринитарный смысл. В таких противоречивых случаях мы, учитывая потребность церкви в чтении молитв вслух (кроме случаев, когда предстоятель молится только о себе или когда молитва относится к одним сослужащим священникам вне их прямой связи с церковным народом), старались убрать это противоречие и ставили «тринитарные окончания» петитом в квадратных скобках, что означает, что их желательно опускать. Почти во всех случаях, когда в чинопоследованиях употребляются синоптические евангелия или псалмы, имеющиеся в блестящем переводе акад. С. С. Аверинцева, мы предпочитали именно этот перевод. Нередко приходилось прибегать и к переводам Евангелия от Иоанна, Послания к римлянам и Апокалипсиса, напечатанным в петербургском сборнике переводов ряда текстов Нового завета (см.: *Евангелие от Марка. Евангелие от Иоанна. Послание к римлянам. Апокалипсис*. СПб., 1997).

В этот раз мы сочли возможным и необходимым кроме русского перевода дать и соответствующий ординарный церковнославянский перевод (кроме приложений), который следует прямо за русским. Это позволит сравнить переводы, избегая при этом механической буквальности. Конечно, здесь можно только пожалеть, что у нас не было возможности дать ещё и соответствующий текст греческого оригинала. В тех редчайших случаях, когда не удавалось найти или греческий текст, или церковнославянский перевод, мы отмечали это в сносках.

Проводя вместе с переводом необходимую литургическую работу, мы пытались оценить каждый богослужебный чин как в целом, так и в частностях. В связи с этим мы использовали, хотя и не механически, современную литургическую традицию разбивать каждое чинопоследование на смысловые части, которые получали своё название с учётом совокупности предполагаемых действий церкви в каждой из них.

Исходя из всех этих пастырско-литургических и переводческо-филологических принципов и был создан наш новый перевод основных частей православного богослужения, ориентированный на адекватное участие в нём всего церковного народа. Мы учли и наш общинно-братский опыт совместной традиционной молитвы. При этом, как и прежде, мы старались во всём достичь простоты без упрощенчества, обновления без обновленчества, традиционности без традиционализма.

Почти все эти переводы уже были неоднократно апробированы в живой богослужебной практике на приходах, в духовных учебных заведениях и в монастырях Русской православной церкви, как в России и ближнем зарубежье, так и в зарубежье дальнем, среди жаждущего познания и исполнения духа и истины православного народа. Опыт показывает, что в этом есть воля Божья.

Основная библиография и условные обозначения приводятся отдельно в каждом томе.

В заключение хочу сердечно поблагодарить всех, кто так или иначе бескорыстно помогал нашему делу и, конечно же, тех, кто самоотверженно много лет прямо участвовал в нём: академика С. С. Аверинцева († 2004), а также членов нашей группы филологов Бориса Каячева и Николая Эппле и секретаря группы Кирилла Мозгова.

Проф.-свящ. Георгий Кочетков
Сентябрь 2007 г.

Предисловие к 3-му изданию книги I

В 1-ю книгу серии русских переводов православного богослужения вошли переводы Вечерни и Утрени с приложением соответствующих церковнославянских текстов (сверенных по изданию: Служебник. М. : Издательский совет РПЦ, 2006) и общее приложение, включающее русские переводы основных праздничных тропарей, кондаков, прокимнов, величаний, запевов 9-й песни канона Утрени и отпустов, а также всedневных тропарей и кондаков, Слова огласительного св. Иоанна Златоуста и Последования Великой вечерни в день святой Пятидесятницы.

Серьёзной особенностью самих чинопоследований является то, что все молитвы Вечерни и Утрени, большая часть которых первоначально являлась молитвами антифонов песенного последования этих служб, расположены на вполне традиционных и наиболее подходящих для них по существу местах, что помогает заново выявить их первоначальный духовно-функциональный смысл.

Вечерня. Молитва «Вечером, как и поутру и в полдень», читаемая сегодня повсеместно как «Молитва входа», на основании ее содержания отнесена к 140-му псалму (см. об этом: Арранц М. Как молились Богу древние византийцы. Л. : ЛДА, 1979. С. 42, 46). Молитва (7)

«Боже великий и вышний», одна из центральных молитв Вечерни, в согласии с традицией помещена перед Главопреклонной молитвой (Там же. С. 39–42, 46). В качестве Молитвы (8) перед «Отец наш Небесный» вставлена молитва 5-го антифона песенного последования Вечерни. То, что первоначально эта молитва могла находиться именно перед «Отче наш», предполагал еще проф. о. М. Арранц (Там же. С. 44–45, 48).

Утренняя. Первые молитвы: (1), (2), (3), (4), (7) – молитвы антифонов, содержание которых указывает на ночь или очень раннее утро. Молитва (8) «Господи, Боже наш, Ты сонную расслабленность от нас отогнал», изначально молитва последнего, 8-го антифона, когда-то отмечала переход из притвора в храм, и потому она помещена перед чтением Евангелия и соответствующей Молитвой (9). Молитве (10) возвращено изначальное значение Молитвы перед чтением 50-го псалма, а Молитве (11) – перед «хвалитными» псалмами (Там же. С. 80–82, 86). Молитвы (5) и (6) помещены после 3-й и 6-й песней Канона, поскольку они относятся к более позднему утру и их конечные возгласы совпадают с возгласами после соответствующих Малых ектений (Там же. С. 74–76, 87). Молитва (12) «Восхваляем, воспеваем, благословляем» представляет собой синтез Утрени, наподобие молитвы «Боже великий и вышний» на Вечерне, и она также по традиции помещена перед Главопреклонной молитвой (Там же. С. 83–84, 87).

В настоящем 3-м издании 1-й книги серии «Православное богослужение» были уточнены некоторые переводы и внесены незначительные исправления. Кроме того, в приложения были включены тропари и кондаки вседневные (седмичные).

Библиография

К основной части

Арранц М. *Евхологий Константинополя в начале XI века и Песненное последование по требнику митрополита Киприана*. Рим; Москва, 2003. — Издание греч. и церковносл. текстов. 1-е изд.: Arranz M. *L'Eucologio Costantinopolitano agli inizi del secolo XI. Hagiasmatarion & Archieratikon (Rituale & Pontificale) con l'aggiunta del Leitourgikon (Missale)*. Roma, 1996.

Светильник, или Вечерня: [На греч. яз.]. С. 66–76;
На заре, или Утренняя: [На греч. яз.]. С. 88–99.

Воскресная служба октоиха: На церковнославянском и русском языке / Сост. и рус. пер. свящ. Антония Лакирева. М., 2003.

Неизменяемые части Всенощного бдения. С. 398–455.

Всенощное бдение. Литургия: С объяснениями. Минск, 2001. — Текст парал. церковнослав., рус.

Всенощное бдение: [В рус. пер.]. С. 7–38.

Православное богослужение. Вып. 1: Русифицированные тексты Вечерни, Утрени, Литургии св. Иоанна Златоуста / Сост. и пер. свящ. Георгия Кочеткова. М. : МВПХШ, 1999. — 1-е изд.: М., 1994.

Вечерня. С. 19–38;

Утренняя. С. 39–64.

Православное богослужение. Вып. 1: Вечерня, Утренняя, Литургия св. Иоанна Златоуста: Перевод с греческого языка на русский. 4-я ред. / Пер., сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. М. : СФИ, 2004. — 3-е изд.: М., 2002.

Великая вечерня. С. 27–55;

Праздничная утренняя. С. 57–90.

Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. языков. Кн. 6: Последования освящения воды, молитвы об усопших, молитвы до и после трапезы, молебны, различные молитвы: С прил. церковнослав. текстов / Пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б. А. Каячева, К. А. Мозгова, Н. В. Эппле; Сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. — М. : СФИ, 2009.

Сборник суточных церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви: На русском языке. Репр. воспроизведение изд. 1926 г. / Пер. свящ. В[асилия] Адаменко. Париж, 1989.

Порядок всенощного богослужения. С. 3–46.

Служебник. М. : Издательский Совет РПЦ, 2006. — На церковнослав. яз.

Последование Вечерни. С. 17–42;

Последование Утрени. С. 43–69.

Собрание древних литургий восточных и западных: [В переводе на русский язык]. Анафора: Евхаристическая молитва. М., 2007. — 1-е изд.: Собрание древних литургий, восточных и западных: В переводе на русский язык: В 5 вып.: Приложение к журналу «Христиан-

ское чтение» / Пер. Н. И. Глориантова, Е. И. Ловягина, И. Е. Троицкого, И. В. Чельцова. СПб., 1874–1878.

[Вечерня в чине Литургии преждеосвященных даров]. С. 788–816.

Часослов / В рус. пер. Амвросия (Тимрота), иером. М., 2003.

Утренняя. С. 46–76;

Вечерня. С. 127–147.

L'Euclologio Barberini Gr. 336. 2 ed. / A cura di S. Parenti e E. Velkovska. Roma, 2000. — Издание греч. текста евхология Барберини. 1-е изд.: 1995.

[Vespri] [Вечерня]. Р. 87–95;

[Mattutino] [Утренняя]. Р. 97–105.

Vespers and Matins [Вечерня и Утренняя]. Cambridge, New York: New Skete, 1993. — На англ. яз.

Εὐχολόγιον τὸ μέγα τῆς κατὰ ἀνατολὰς ὀρθοδόξου καθολικῆς ἐκκλησίας. Ἔκδ. β' // Σπουδῆ καὶ ἐπιστασία Σπυριδῶνος Ζέρβου, ἱερομον. Βενετία, 1862. — На греч. яз.

Ἀκολουθία τοῦ Ἑσπερινοῦ [Последование Вечерни]. Σ. 13–25.

Ἀκολουθία τοῦ Ὁρθρου [Последование Утрени]. Σ. 25–34.

Μέγας καὶ ἱερός συνέκδημος ὀρθοδόξου χριστιανοῦ. Ἀθήναι, 1954. — На греч. яз.

Ἀκολουθία τοῦ Ἑσπερινοῦ [Последование Вечерни]. Σ. 163–201.

Ἀκολουθία τοῦ Ὁρθρου [Последование Утрени]. Σ. 245–363.

Τρεμπέλας Π. Ν. Μικρὸν εὐχολόγιον· Κατὰ τοὺς ἐν Ἀθήναις ἰδία κώδικας. Τ. β'. Αἱ ἀκολουθίαι καὶ τάξεις

Ἁγιασμοῦ ὑδάτων, Ἐγκαινίων, Ὕρθου καὶ Ἑσπερινοῦ. Ἀθήναι, 1998. — На греч. яз. 1-е изд.: Ἀθήναι, 1955.

Αἱ εὐχαὶ τοῦ Ὕρθου καὶ τοῦ Ἑσπερινοῦ [Утренняя и Вечерня]. Σ. 153–280.

Ὁρολόγιον τὸ μέγα περιέχον ἅλασαν τὴν ἀνήκουστον αὐτῷ Ἀκολουθίαν κατὰ τὴν τάξιν τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 2005. — На греч. яз. 1-е изд.: Ἀθήναι, 1973.

Ἀκολουθία τοῦ Ἑσπερινοῦ [Последование Вечерни]. Σ. 185–197.

Ἀκολουθία τοῦ Ὕρθου [Последование Утрени]. Σ. 59–113.

К приложениям

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Издательство Московской Патриархии, 1992.

Воскресение Христово — Пасха: Богослужебные тексты праздника на славянском и русском языках. СПб., 2003.

Огласительное слово св. Иоанна Златоустого во святую и великую Неделю Пасхи. С. 46–53.

Воскресная служба октоиха: На церковнославянском и русском языке / Сост. и рус. пер. свящ. Антония Лакирева. М., 2003.

Воскресная служба октоиха всех восьми гласов или напевов, на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопения Малой вечерни, Великой вечерни, Полунощницы, Утрени и Литургии. 2-е изд. / Пер. с греч. И. Ловягина. СПб., 1892.

Избранные псалмы / Пер. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 2005.

Молитвы и песнопения православного молитвослова: С переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Н. Нахимова. Изд. испр. и доп. Киев, 2003.

Новый Завет и Псалтирь: В современном русском переводе / Пер. и прим. под ред. М. П. Кулакова. Заокский: Институт перевода Библии, 2002.

Православный церковный календарь: С тропарями и кондаками: 2007. М. : Издательский совет РПЦ, 2006. — Тропари и кондаки на церковносл. яз.

Псалтирь: В русском переводе с греческого текста LXX. Репр. воспроизведение изд. 1915 г. / Введ. и прим. П. Юнгера. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

Псалтирь учебная / [Рус. пер. Е. Н. Бируковой, И. Н. Бирукова]. М., 2000. — Текст парал. церковнослав., рус.

Свт. Иоанн Златоуст. *Огласительные гомилии* / Пер. И. В. Пролыгиной. Тверь, 2006.

Огласительное слово на Святую Пасху: [На греч. и рус. яз.] С. 241–246.

Часослов / В рус. пер. Амвросия (Тимрота), иером. М., 2003.

Тропари и кондаки. С. 209–269.

Ἦ ἀκολουθία τοῦ μεγάλου ἑσπερινοῦ (γονυκλισίας) τῆς ἁγίας Πεντηκοστῆς [Последование великой вечерни (коленипреклонения) святой Пятидесятницы]. Ἀθήναι, 1994. — На греч. яз.

Εὐχολόγιον τὸ μέγα τῆς κατὰ ἀνατολὰς ὀρθοδόξου καθκλικῆς ἐκκλησίας. Ἔκδ. β'. Σπουδῆ καὶ ἐπιστασία

Σπυριδῶνος Ζέρβου, ἱερομον. Βενετία, 1862. — На греч. яз.

Ἀκολουθία τῆς γονυκλισίας τῇ κυριακῇ τῆς ἀγίας Πεντηκοστῆς ἑσπέρας [Последование коленопреклонения в воскресенье св. Пятидесятницы вечером]. Σ. 368–381.

Τοῦ αὐτοῦ ἀγίου Χρυσσοστόμου λόγος κατηχητικός [Огласительное слово св. Иоанна Златоуста]. Σ. 611–612.

Μέγας καὶ ἱερός συνέκδημος ὀρθοδόξου χριστιανοῦ. Ἀθήναι, 1954. — На греч. яз.

Σ. 485–1285. — Греч. тексты тропарей, кондаков и др.

Κατηχητικός λόγος Ἰωάννου τοῦ Χρυσσοστόμου [Огласительное слово св. Иоанна Златоуста]. Σ. 1224–1225.

Ὁρολόγιον τὸ μέγα περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνήκουστον αὐτῷ Ἀκολουθίαν κατὰ τὴν τάξιν τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 2005. Σ. 232–546. — 1-е изд.: Ἀθήναι, 1973. Греч. тексты тропарей, кондаков и др.

Список сокращений

ПБ Православное богослужение. Серия изданий переводов православного богослужения на русский язык, опубликованных Свято-Филаретовским православно-христианским институтом.

Условные обозначения

П предстоятель

Д дьякон

Ч чтец

Н народ или особый чин певцов — «певчих», т. е. поющий от лица всего народа «лик»

Огл оглашаемые разных разрядов

Красный цвет (иногда в круглых скобках)

богослужбные и т. п. указания и наши замечания.

(В круглых скобках)

возможный вариант перевода (обычно после слова **или**), а также необходимые дополнительные или пояснительные слова.

(Петит в круглых скобках) В основном тексте

пояснения (обычно после слов **т. е.**).

[В квадратных скобках]

текст молитв и богослужбных указаний, отсутствующий в ныне действующих Служебнике и Часослове, изданных Московской патриархией, но присутствующий

в некоторых других богослужебных и научных изданиях и не потерявший своей актуальности;

вариант богослужебного текста или указания, соответствующие традиции и практике Преображенского содружества малых православных братств.

[Петит в квадратных скобках]

богослужебные тексты, используемые лишь в отдельных случаях, например при служении специально «за упокой», или Великим постом, или в воскресенье, или в монастыре и т. д.;

богослужебные тексты из Служебника или Часослова, которые, будучи, как правило, поздними вставками, могут быть опущены, например из-за устойчивого изменения реалий современной церковной жизни. Это касается и части дьяконских «напоминаний» и «диалогов», или тех частей ектений, которые изначально были призваны покрывать собою для «мирян» время чтения предстоятелем молитв, если они уже не читались гласно.

ПОСЛЕДОВАНИЕ
ВЕЛИКОЙ ВЕЧЕРНИ

(1) Приготовление

Пресвитер и дьякон совершают каждение алтаря.

После открытия врат с солеи лицом к народу:

Д Восстаньте!

Н Благослови!

П Благословен Бог наш [во все дни]: ныне и всегда и во веки веков!

Н Аминь.

С находящимися в алтаре служителями:

П Придите, поклóнимся

Царю нашему Богу!

Придите, поклóнимся и припадём ко Христу —

Царю нашему Богу!

Придите, поклóнимся и припадём

к Самому Христу —

Царю и Богу нашему!

Придите, поклóнимся и припадём к Нему!

Пресвитер и дьякон завершают каждение храма.

ПСАЛОМ 103, ПРЕДНАЧИНАТЕЛЬНЫЙ

Н Благослови Господа, душа моя!

[Благословен Ты, Господи!]

Господи, Боже мой, Ты весьма велик,

[Благословен Ты, Господи!]

славою и блистанием облечён.

[Ты облачаешься, словно в ризу, во свет,

Ты раскидываешь, словно шатёр, небеса;

Ты над вода́ми возвышаешь черто́ги Твои,

делаешь о́блак колесницею Твоей,

шествуешь по ветровы́м крыла́м,

вётры вестниками Твоими творишь,

слугами Твоими — пламенá огня.

На устоях землю Ты утвердил,

не поколеблется она в век и век;

как ризою, бездну Ты облачил.]

Воды стояли на гора́х —

[Дивны дела Твои, Господи!]

[от укора Твоего побежали они,

убоялись гласа грома Твоего,

спустились с гор, стекли́ в дол,

на место, что назначил им Ты.

Положи́л Ты им предел,

которого им не прейти́,

сы́знова не разлиться им по земле.

В до́лах дал Ты место родникам,]

меж гора́ми стру́и текут,

[по́ят всех звере́й полевы́х,

она́гры утоляют жажду свою;

по́дле струй обитают птицы небес,

голос подают проме́жду ветвей.

Напояешь Ты горы с высот Твоих,

от плодов дел Твоих насыщается земля.

Расти́шь Ты для скотов траву́
и на потре́бу человеку — злак,
и хлеб изводи́шь из недр земли,
и вино, что сердца́ людей веселит,
больше, чем елей нама́слит лик,
и хлеб укрепляет сердца́ людей.

Насыщаются Господни дерева́,
кедры ливанские, что Ты насадил;
птицы гнездятся там,
и аисту кипари́с — жилище его;
козеро́гам — высóты гор,
ущелья — убежища барсука́м.

И луну сотворил Ты, ме́ту времён,
и солнце, что знает свой закат;
Ты простираешь тьму, и бывает ночь,
и пробуждаются все звери лесов, —
ры́кают львята о поживе своей,
у Господа просят сне́ди себе;
взойде́т солнце — иду́т они вспя́ть,
по ло́говам расходятся своим;
выходит человек на труды свои,
до вечера на служение своё.]

Велики́, о Господи, труды Твои,
всё с премудростию Ты сотворил,
[и полна́ земля творений Твоих!
Вот море, без меры велико́,
и в нём живности без числа,
малые твари при больш́их;
там плывут суда, и там же — змий,
Тобою сотворённый, чтоб играть с ним.

Все они уповают на Тебя,
что Ты во благовре́мение дашь им снедь;

и Ты отверзаешь руку Твою
и всякое животное по́лнишь благ.
Сокроешь лик Твой — ужаснутся они,
отнимешь у них дух, и они умрут
и снова возвратятся во прах.
Дохнёшь ли на них — и восстанут они,
и Ты лицо земли обновишь.

Да будет слава Господня вовек,
да возрадуется Господь о делах Своих!
Он возрёт на землю — и дрогнет она,
Он коснётся гор — и дымятся они.
Воспою Господу во все дни жизни моей,
пою Богу моему, пока я есмь.
Да будет угодна Ему песнь моя —
а моя радость вся о Нём!
Да исчезнут грешники от земли,
чтобы словно не бывало злых!

Благослови Господа, душа моя!]
[Слава Тебе, Господи, сотворившему всё!]
Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,
и ныне и всегда и во веки веков, аминь*.

Аллилу́ия, аллилу́ия, аллилу́ия,
слава Тебе, Боже (трижды).

ВЕЛИКАЯ ЕКТЕНИЯ

- Д В мире Господу помолимся!
Н Господи, помилуй (на каждое прошение).
Д О мире свыше и о спасении душ наших Господу помолимся.

* В дальнейшем, как правило, — Слава, и ныне.

О мире всего мира, об укреплении святых Божьих церквѣй и о единении всех Господу помолимся.

О святом доме сем и обо всех, с верою, благоговѣнием и страхом Божьим входящих в него, Господу помолимся.

О великом господине и отце нашем святѣйшем патриархе (имя) [и о господине нашем преосвященнейшем митрополите (или: архиепископе, или: епископе) (имя)], почтенном пресвѣтерстве, во Христе дьяконстве, обо всѣм клире и народе [Божьем] Господу помолимся.

О богохранимой стране нашей (имя), обо всѣм народе и властях еѣ Господу помолимся.

О граде сем (имя) [или: о селе сем (имя), или: о святой обители сей] и обо всех городах и странах и о верою живущих в них Господу помолимся.

О благоприятной погоде, об изобилии плодов земли и о временѣх мирных Господу помолимся.

О плавающих, путешествующих, болящих, страждущих, пленѣнных, [за правду гонимых и заключѣнных] и о спасении их Господу помолимся.

Об избавленіи нас от всякого угнетения, гнева, [беды] и принужденія Господу помолимся.

Поддержи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью.

Всесвятую, непорочную, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Вечнодеву Марию со всеми святыми помянув, самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу (или более древнее: через Христа) Богу предадим (или: посвятим).

И Тебе, Господи.

(2) Предвечерние антифоны

МОЛИТВА (1)*

И Господи, сострадающий и милующий,
 долготерпеливый и многомилостивый,
 услышь молитву нашу,
 и внемли гласу моления нашего,
 и яви нам знамение ко благу!
 Направь нас на путь Твой,
 дабы ходить нам во истине Твоей,
 возвесели сердца наши,
 дабы чтить нам святое имя Твоё, —
 ибо Ты велик и творишь чудеса, один Ты — Бог,
 и нет между богами подобного Тебе, Господи:
 Ты силен в милости и благ в крепости,
 чтобы помогать, и утешать, и спасти
 всех надеющихся на святое имя Твоё. —
 Ибо Тебе подобает вся слава, честь и поклонение,
 [Отцу и Сыну и Святому Духу,]**
 ныне и всегда и во веки веков.

И Аминь.

* Если кафизмы не положено, то сразу читается Молитва перед «Господи, зываю».

Молитвы (1)–(4), (8), (5), (6) и Молитва перед «Господи, зываю» ранее служили молитвами перед восемью светильничными антифонами песенного последования Вечерни.

** Здесь, как и в ряде других случаев, когда завершающий возглас, обращаемый ко Св. Троице, явно противоречит содержанию самой молитвы, обращённой к одному из лиц Св. Троицы, часть возгласа даётся в квадратных скобках петитом.

Содержание

Проф.-свящ. Георгий Кочетков

Некоторые богословские основания необходимости и возможности перевода богослужебных текстов с древних языков на современные	5
Предисловие к серии переводов в семи книгах.....	19
Предисловие к 3-му изданию книги 1.....	27
Библиография	29
Условные обозначения	35
ПОСЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ВЕЧЕРНИ.....	37
ПОСЛЕДОВАНИЕ УТРЕНИ	73
ПОСЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ВЕЧЕРНИ <i>на церковнославянском языке</i>	117
ПОСЛЕДОВАНИЕ УТРЕНИ <i>на церковнославянском языке</i>	141

П р и л о ж е н и я

ИЗБРАННЫЕ ТРОПАРИ, КОНДАКИ, ВЕЛИЧАНИЯ, ПРОКИМНЫ, ЗАПЕВЫ И ОТПУСТЫ

Воскресные на восемь гласов	167
Вседневные (седмичные).....	173
На двенадцатые, великие и другие особо чтимые праздники.....	177
Величания общие	210
Из Триоди постной	214
Из Триоди цветной	224

ПОСЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ВЕЧЕРНИ В ДЕНЬ СВЯТОЙ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

(коленипоклонения)	235
--------------------------	-----

СЛОВО ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

(в день св. Пасхи на Утрени)	259
------------------------------------	-----